

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

РАКОВИЩА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ПЕТРОГРАД

1922

РАБОВИНА

*Посвящаю жене моей
Юлии Владимировне
Шемели.*

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

РАКОВИНА

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - - 1922 - - ПЕТРОГРАД**

Гиз. 2977. 1922 г. 2.000 экз

1-я тип. Главн. Управл. Госуд. Из-ва. ППС., Б. Болотная, д. № 10.

Ты помнишь день: замерзла ртуть; и солнце
Едва всплыло в карминном небосклоне,
Отяжелевшее; и снег звенел;
И плотный лед растрескался звездами;
И коршун, упредивши нашу пулю,
Свалился вдруг. Ты выхватил кинжал
И пальцем по клинку провел, и вскрикнул:
На сизой стали заалела кожа,
Отхваченная ледяным ожогом...

Не говори о холоде моем.

МУЗЕ.

Я скрипку в прорубь окуну,
На ледяном ветре заморожу
И легким пальцем потревожу
Оледеневшую струну.

И ломкий заостренный звук
Мне в ухо льдинкою вопьется,
И, как зубная боль, прервется
От музыки теченье мук.

Но, отогретая, совсем
Немой и сонной станет скрипка...
Ошибки не смягчит ошибка:
Ты хочешь, чтобы стал я нем?

Скорбишь о холоде моем?
Скучаешь по другом, горячем?
Мечтаешь, как с дыганским плачем
С тобой мы о любви споем?

Ведь ты ж сама день ото дня
Со мной была все боле строгой,—
Так пожалей же и не трогай,
И не отогревай меня.

1922.

В граненной проруби, в крутых отрезах льда
Сапфиром залегла тяжелая вода.

И пар, чуть розовый, слегка зарей облитый,
Восходит облачком и чистой Афродитой

Оплотневает там, в полярных небесах.
От белых риз ее летит к нам белый прах.

И замирает взор, лебяжьим пухом нежим,
И любят девушки умыться снегом свежим.

1918.

НАДПИСЬ НА СТАТУЕ.

В полдень и полночь
Ты можешь
Ощупать сей камень прохладный,
Все
Изгибы его
Чуткой изведать рукой,
И,
Чтобы радость твоя
Стала полной
И веской,
И вечной,—
Хладное имя ему
Пусть изваяет
Поэт.

ПОЭТУ.

Да, стиснуть зубы, губы сжать, как шпагу
Перо в тугие пальцы вплавить, сердце
Взнуздать и мысль рассечь ланцетом,— вот

Поэта полуночный подвиг.

Да, только в молнийной игре, во вздохах
Насоса нагнетательного, в звонах
Дрожащих иступленных рычагов,
В порхании, в свистящем лете поршней,
Отмеривающих стихи и строфы,
Ты золото из глубины подымешь
И вверх его по жолобу косому
Тяжелой песней устремишь. А там—
Пусть сыплется густым золотопадом,
Расплескиваясь оземь, в дробь зернится,
В мельчайший бисер. Ах, не все ль равно:
Ветр дует в парус и подолы крутит,
Но мчится, мчится, мчится. Будь и ты
Подобен ветру. Но стреми не воздух,
А вескую, а золотую жидкость,—
Настой давно угаснувшего солнца.

ПОЭТАМ.

Друзья! Мы—римляне. И скорби нет предела.
В осеннем воздухе разымчиво паря,
Над гордым форумом давно отпламенела
Золоторжавая закатная заря.

Друзья! Мы—римляне. Над форумом державным
В осеннем воздухе густеет долгий мрак.
Не флейты слышатся: со скрипом своенравным
Телеги тянутся, клубится вой собак.

Друзья! Мы—римляне. Мы истекаем кровью.
Владельцы богатств, не оберегши их,
К неумолимому идем средневековью
В печалах осени, в томлениях ночных.

Но будем—римляне! Коль миром обветшалым
Нам уготован путь по варварской земле,
То мы труверами к суровым феодалам
Пойдем, Орфеев знак наметив на челе.

Вливаясь в музыку, рычанье бури—немо.
Какое торжество, друзья, нас озарит,
Когда, отъяв перо от боевого шлема,
Его разбойник-граф в чернила погрузит.

Пусть ночь надвинулась. Пусть мчится вихрь пожара
К моим пророческим прислушайтесь словам:
Друзья! Мы—римляне! И я приход Ронсара
В движении веков предвозвещаю вам!

1918.

ОГОНЬ И ГЛИНА.

Угрюмый облик обожженной глины
И смуглый звон чеканных кирпичей
Милей, чем плавный пересвет лучей,
Которыми звездились турмалины.

Я ювелиром был, ловцом огней,
Чей хладный пламень выбрали павлины,
Но прогудел полынный ветер былинны,
И вот в кувшины звонко бьет ручей.

Где небо серо над безводным логом,
Где зной ложится бронзовым ожогом
На высушенные песком тела,—

Кирпичные там водоемы встанут,
И волны свежие, светлей стекла,
Отрадно в чаши глиняные грянут.

САНСКРИТ.

В странно-знакомых словах, суровых словах санскрита—
Смуглая кожа земли,—той, где струится муссон.
В призвуках тайных и темных кроются лики дравидов,
Преданных мертвой луне, солнцем сожженных людей.
В плавно-певучих разливах широко открытых гласных
Всплески высокой волны,—воли грядущих веков.
И в трепетании смутном шорохов, шопотов, шумов
Скорбные шелесты трав в мире бескрайних могил.

1917.

СЛОВАРЬ.

Коринф. Коричневый. Коринка. Кариий.
Колье гортанно прозвучавших слов.
Отраден мой сегодняшний улов:
Мир и словарь,—как море и аквариий.

Разглядывай резьбу радиолярий
Не под покровом громовых валов,
Но в хрустале недвижимых слоев,
И бережливым будь, что антиквариий.

Так в малом целый познается мир.
Так в блеске золота раскрыт Офир,
И слово легкое—стигмат вселенной.

Люблю слона, певучую их плоть:
Моей душе, неколебимо пленной,
Их вестниками воли шлет Господь.

МИКРОКОСМ.

Обволокла медовая смола
Жука металло-голубое тело,
И капелька округло отвердела,
И надолго под хвоей залегла.

Волна над новым дном проголубела,
На отмелях прозрачна и светла,
И теңью мимолетного крыла
Легко мутнели в ней чешуйки мела.

И трубка пенковая предо мной
Темнеет матовой золотизной,
И мутен желтопламенный янтарик.

И тихо в нем, как в волнах облака,
Включен металло-голубой фонарик.
В моей руке—далские века.

1916.

СЕНАТ.

У Тибра водопой. Вся конница врага.
А в Капитолии, в белоколонной зале,
Сенаторы себя к сиденьям приковали,
И заседание под медные рога—

Непрерываемо. Враг топчет берега,
И бронями кипя, пораскалились дали,
Но память о былом,—о Пирре, Аннибале,—
Как последождная победная дуга.

И клятву выковав в произнесеньи четком,—
Спокойный человек с квадратным подбородком
Запаивает жезл в медь маленькой руки,—

И, чуя пиршество, чертят по небу птицы:
По мрамору ступень упруги и легки
Шаги Диктатора,—плеск молока волчицы.

ГРЯДУЩИЙ.

Князь от Иуды оскудел,
И Воин не придет боле,
И на Давидовом престоле
Четвертовластник тяжело сел.
И на священных высотах
Воздвиглись капища Ваала,
И мерзость перекочевала
На жертвенный, на древний прах.
У божьего святого дома
Умяли площадь ипподрома,
Метали диск и гнули лук,
Ремнями мерзостных подпруг
На Вакховы пиры и пляски
Влекли Левииных сынов,
Срывали с дочерей завязки
Их берегущих поясов.
Священников колесовали,
Топили в быстрине реки,
Пророкам очи выжигали
И вырывали языки.

И матерей, что обожгли
Детей печатью обрезанья,
Влекли на смерть и поруганья,
Нагими по земле влекли.
И, взяв младенческие трупы,
Крепили к высохшим сосцам,
И там, где приземился Храм,
И где Стена свои уступы
Взнесла к безмолвным небесам,—
Их повергали в пепел смрадный.
Так встал кровавый и громадный,
Захлестнутый проклятьем век.
И страстный исступленный бег
Стремилась кровь в стесненных жилах,
Стремилась мысль: Когда ж придет?
Когда ж Мессия на могилах
Победный жертвенник возжет,
Когда ж под виноградной кушей
Израиль вкусит мир и мед,
Когда ж воздвигнет свой народ
Мессия,—вождь и царь грядущий?
И был закат. В песках пустыни
Кипел и клокотал багрец,
И воспаленные твердыни—
Как цепь проколотых сердец
За жребием метали жребий
В зубах закатного венца,
И пламенели в гневном небе
Дориносимые сердца.
И в этот час над рдяной гранью
Как сердце скованной земли
Восстал в дымящейся пыли
Идущий. Обоженной дланью
Он стиснул кипарис жезла,
И власяница облекла
И шею ствол окровянила.
Как рыжий лес в скалах Кармила
Вокруг гигантского чела
Взметнулась грива. Пали брови
У глаз как терние куста,

И воспаленные уста
Позапеклись меж сгустков крови:
Как будто вырван был язык,
И меч архангела был вдвинут,
И вечно в небо запрокинут
Остался иступленный лик.
Гряди, Пророк! Созрело время.
Секира ждет. Гряди, Пророк!
Народ в оковах изнемог,
И выю надломило бремя.
Гряди! Как уголь сердца людей,
И ты да поднесешь к ним пламень,
Да просвистит как пращный камень
Звук яростных твоих речей!
И он идет Тивериадой,
Идет на Иорданский брег,
И напрягают жадный бег
К нему народы—за отрадой,
За покаяньем, за клеймом.
Крестя водою и огнем,
Идет по высотам и долам,
По пастбищам, шатрам и селам,
И царский сотрясает дом
Громоклокочущим глаголом.
Вот полдень. Плещет Иордан.
И солище жжет, и ветер подавлен.
И в воду погруживши стан,
Стоит громадный Иоанн,
Полдневным золотом оплавлен.
Стеснился стекшийся народ,
Клубясь белоодежным стадом,
Прильнул к увалам и оградам,
Стоит и слушает, и ждет.
Но что такая тишина?
Там к Иоанну приступили,
Пытают:—Прореки нам: ты ли,
О ком пророки говорили,
Чья мощь была предречена?
На поле гнойных отвержений
Стоим во тьме и смертной тени

И ждем. Гласил нам Моисей,
И Илия гремел. Исайя
Рыкал как лев. Но ты сильнее,
Ты— как Господь в громах Синая.
Так прореки нам: ты ли, ты
Пришел спасти народ избранный,
На нечестивых грохот бранный
Обрушить с гневной высоты?
Воздвигнуть храм ли, кущей рая ль
Отучнить скорбные поля,
Чтоб вся увидела земля,
Как Богом вознесен Израиль?
Твоя как солнце голова,
Твоя как кедр ливанский выл,
Как Пятикнижие слова,—
Так прореки нам: ты—Мессия?—
И как подземный грузный гул
Пролился голос Иоанна:
— Не говорите невозбранно:
Век испытаний не минул.
Я—я не тот, кого вы ждали.
Но он грядет. И близок день!
И знайте: у его сандалий
Я недостоин снить ремень.

1918.

ПОЕДИНОК РОКОВОЙ.

Я тихо спал. И в мой пригретый хлев
Вошла, шатаясь, пьяная старуха
И прыгнула. И на плечах почуя
Костлявый груз, я вымчался из хлева.
Луна в глаза ударила. Туман
Затанцовал над дальними прудами.
Жерлянки дробным рокотом рванули.
И тень моя горбатая, как пух,
Комком по светлым травам покатилась.
И чем сильнее острые колени
Мне зажимали горло, чем больнее
Меня язвил и шпорил хлыст колючий,
Тем сладостнее разбухало сердце,
И тем гневнее накалялась мысль.
И длился бег. Выкатились глаза.
И ветер пену с губ сдувал. И чую:
Бежать не вмоготу. И сжавши ребра,
И в корче смертной зубы раскрошив,
Я вывернулся вдруг прыжком змеистым,
И захрустела старческая шея,
Мною придавленная. Свист гремучий

Взвился над взбеленившимся хлыстом.
И—понеслись. Не успевал дышать.
И тень отстала и оторвалась.
Луна и ветер в один звенящий крутень
Смешались, и невзнузданная радость
Мне горло разнесла. И вдруг старуха
Простонет: Не могу... и рухнула.
Стою. Струна еще звенит в тумане,
Еще плывет луна, и блеск, и трепет
Не отстоялись в сердце и глазах.
А предо мной раскинулась в траве
И кроткими слезами истекает
Исхлестанная девушка,—она,
Любовь моя, казненная безумцем.

1920.

ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Копьями солнца внесенное,
Здравствуй,
Прохладное утро.
Ветер
Мой парус надул,
Белый,
Как женская грудь.
Сладко прижаться щекою
К его упругому кругу,
В гулкую чашу его
Трепеты моря ловить.

Женщины тело бездушное
Жалко свернулось у борта.
Впалая грудь
Не вдохнет
Солью пропитанных струй.
Что же мне слушать
Внимательным ухом,
Как тайным брожением
Нежная кожа ее
В каждом изгибе звучит.

Талатта, талатта!
Дальше!
Разверзни широкое лоно,
Женское тело прими,
В глуби
Его упокой.
Я же,
Один и отзывен,
Навстречу солнца,
По зыби,
Бешеным бегом звеня,
Вспеню серебряный путь.

1917.

Окном охвачены лиловые хребты,
Нить сизых облаков и пламень Антареса.
Стихи написаны, И вот приходишь ты:
Шум моря в голосе и в платье запах леса.

Целую ясный лоб. О чем нам говорить?
Стихи написаны,—они тебе не любы.
А чем, а чем иным могу я покорить
Твои холодные сейчас и злые губы?

К нам понадвинулась иная череда:
Томленья чуждые тебя томят без меры.
Ты не со мною вся, и ты уйдешь туда,
Где лермонтовские скучают офицеры.

Они стремили гнев и ярость по Двине,
Пожары вихрили вдоль берегов Кубани,
Они так нехотя расскажут о войне,
О русском знамени и о почетной ране.

Ты любишь им внимать. И покоряюсь я.
Бороться с доблестью я не имею силы:
Что сделает перо противу лезвия,
Противу пламени спокойные чернила?

1918.

Трагические эхо Эльсинора!
И до меня домчался ваш раскат.
Бессонница. И слышу, как звучат
Преступные шаги вдоль коридора.

И слышу заглушенный лязг запора:
Там в ухо спящему вливают яд!
Вскочить! Бежать! Но мускулы молчат.
И в сердце боль тупеет слишком скоро.

Я не боец. Я мерзостно умен.
Не по руке мне хищный эскадрон,
Не по груди мне смелая кираса.

Но упивайтесь кровью поскорей:
Уже гремят у брошенных дверей
Железные ботфорты Фортинбраса.

Да, грозный сон приснился мне. Стою я
На берегу реки, а за рекой
Закат невыносимый хлещет в небо,
И Богоматерь с черными глазами,
С лицом охряным, в аспидном плаще,
Под ним скрывая наглухо младенца,
Над пламенем кипящим взлетает.
Внезапный вихрь распахивает плащ,
Соскальзывает он, младенец виден,
И это—слушай!—не ее Христос,
А мой Исидор. Я бегу к реке,
Вброд не решаюсь, протираю руки,
Рыдаю, а она, а Богоматерь,
Запахивает с сердцем плащ и, круто
Вдруг обратясь, уносится в закат...
Я ринулась, проснувшись, к колыбели.
Спокойно все. Ребенок ровно дышит.
И все-таки, я всей душою знаю:
Недолго жить ему...

Встало утро сухо-золотое.
Дальние леса заголубели.
На буланом склоне Карадага
Белой тучкой закружились козы.
А всю ночь мне виделись могилы,
Кипарисы в зелени медяной,
Кровь заката, грузное надгробье,
И мое лицо на барельефе.
А потом привиделось венчанье.
В церкви пол был зеркалом проложен,
И моей невесты отраженья
Яхонтами алыми пылало.
А когда нам свечи зажегли,
И венцы над головами вздели,—
Почернели яхонты, погасли,
Обратились высохшею кровью.
Я проснулся долго до рассвета,
Холодел в блуждающей тревоге,
А потом открыл святую книгу,
Вышло Откровенье Иоанна.

Тут и встало золотое утро,
И леса вновь родились в долинах,
И на росном склоне Карадага
Белым облачком повисли козы.
Я и взял мой посох кизилковый,
Винограду, яблоков и вышел,
Откровенье защитив от ветра
Грубым камнем с берега морского.

1918.

Лес темной дремой лег в отсках гор,
В ветвях сгущая терпкий запах дуба.
С прогалины гляжу, как надо мною
Гигантским глобусом встает гора.
А подо мной размытые долины
В извилинах, как обнаженный мозг,
И бронзовые костяки земли
Вплавляются в индиговое море.
Втыкая палку в подвижную осыпь,
Взбираюсь по уклону. Рвется сердце,
И мускулы усталых ног немеют,
И сотрясается, клопоча, грудь.
Вот весь внизу простерся полуостров.
Синеет бледная волна Азова,
И серым паром за тончайшей Стрелкой
Куруется и колеблется Сиваш.
А впереди прибором крутолобым
Застыли каменные хребты,
Все выше, все синее, встали, взмыли,—
Прилив гранита, возметенный солнцем.
А солнце, истекая кровью чермной,
Нещадные удары за ударом
Стремит в меня, в утесы, в море, в небо,
А я уже воздвигся на вершине,

Охваченный сияющим простором,—
И только малые подошвы ног
Меня еще с землей соединяют.
И странный гул клубится в тишине:
Не шум лесной, не мерный посвист ветра,—
Как бы земля в пространстве громыкает,
Гигантским в небе проносясь ядром,
Иль это бог в престольной мастерской
Небесных сфер маховики вращает.
И руки простираются крестом,
И на руках как бы стигматы зреют,
И как орган плывет медовым гудом
Всколебленная вера и любовь...
И я повелеваю Карадагу
Подвигнуться и свергнуться в волну.

1918.

Закрыв глаза, пересекаю брег.
Прибой гул растет и подавляет.
И, обожженный холодным брызгом влаги,
Я останавливаюсь и гляжу.
Как тусклы лопасти стальных валов,
Как бледны свитки фосфористой пены,
И крупные алмазы Ориона
Дробятся в возмеченной глубине.
О море! Родина! Века веков
Я полыхал сияньем фосфористым
В твоей ночи. На рыбьей чешуе
Я отливал сапфиром и смарагдом.
Я застывал в коралловую известь
В извилах древовидных городов.
И вот теперь, свершась единым сгустком,
Несу в себе дыхание приливов,
И кровь моя, как некогда, нагрета
Одною с южным морем теплотой.
Стою. И слушаю. Глубится гул.
В глухих глубинах беглый огонь мерцает.
И, побежденный подвижным магнитом,
В разбег волны я медленно вхожу.

Пологий берег мягко сошел к волне;
Песок сияет, зноем прогреет насквозь;
    Прозрачный парус тихо скользит вдаль:
    Ленью ленивой ласкает полдень.

А там, за мысом, выгнулся тонкий мол;
Над белым молом млеют в лучах дома;
    И легкий пепел, чуть голубой прах
    Веет над лентой казарм и боен.

Дыши, Везувий! Мирно, Помпея, спи!
Пред смертью сладок отдохновения час.
    И кто, безумный, не избрет смерть
    Без агонии под синим пеплом?

Всю ночь в окно плескал тревожный ветер,
Луна дрожала, и тяжелый гул
В подвале возле дома расседался.
А утром точно голубой Везувий
Рассыпал пепел голубой,—и небо,
И море, и казармы у залива
Запорошились голубизной.
Лед в бухте взбух как голубая пробка,
А там за молом, антрацитной синью
Сияющий расправился залив,
И сахарные льдины побежали,
Свободные под ветром на волне...

1921.

Закаты в августе! Плынут издалека
Полей дыхания и ветерки тугие,
И снежные встают над морем облака
Такие белые, что даже голубые.

1921.

БОСФОР КИММЕРИЙСКИЙ.

Песчаных взморий белопенный лук,
Солончаковые глухие степи,
И в тусклом золоте сгущенных сений
Вздывается оплавленный Опук.

Раздавленный базальт, как звенья цепи,
На сланцевых боках означил круг.
Волчды и терн. И тихо вьет паук
Расчисленную сеть великолепий.

Потоки вздутые остывших лав
Оставили железнобурый сплав
И пыл свой отдали в недвижный воздух.

И медленный плывет свинцовый зной,
Растягиваясь в колоссальных звездах,
В рубинных радугах над крутизной.

ПОРТ СВ. ИОАННА.

Исчерченный коринфскою резьбой
Иконостас из черного ореха.
Сгоревшего полудня льется эхо
Из купола струею голубой.

И бледным золотом дрожащий зной,—
Шипы уже незримого доспеха,—
Зигзагом быстрым, молниєю смеха
У закоптелых ликов—как прибой.

Забывтый порт Святого Иоанна...
В долине—церковь, где молчит осанна;
Безмолвный храм Тезея на холме.

И выше всех, в багряной мгле заката,
Над пропастью, на каменном яре,
Гранитный трон—могила Митридата.

СКИФИЯ.

Курганов палевых ковыльные уклоны.
В нагретой тишине курлычат журавли.
Дорога тонкая. И в золотой пыли—
Степных помещиков льняные балахоны.

А там—часовенки дубовые пилоны
На берегу пруда свой темный мох внесли,
И хмурый грузный лад неспаханной земли—
Как законный лик раскольничьей иконы.

Отрадно воду пью из ветхого ковша,
И тихой радости исполнена душа
И льнет молитвенно к преданьям стен омшелых.

Но в тайной глубине поет степная даль,
И сладко мыслится о дымчатых пределах,
Где залегла в полынь былинная печаль.

ПАЛИНГЕНЕЗИЯ.

Песком и глиною утопан плотный пол.
Холщевый полумрак и холодок палатки.
Густой полынный дух, прибой прерывно-краткий—
Их бриз вечеровой в одно дыханье сплел.

За поднятой полой курганный сизый дол.
Раскопок медленных нахмуренные складки.
И на земле могил тяжелые рогатки,
Телеги скифские и варварский прикол.

Закат отбагровел на заводах Сиваша.
Работа кончена. Костры. Уха и каша.
И говор сдержанный усталых копачей.

Здесь—музыкальный звон и вещий выклик Дива,—
Могила юного. И в благости лучей
Селена тихая у тихого залива.

Я знаю тихий дол. Отлогие холмы
Взбегают от него к лазури небосклона,
И высохший ручей, солончаки размыв,
Змеит по нем слюдой сияющее лоно.

Забутые в пыли железные пути
Случайный волопас лениво так минует.
Лишь травам вкрадчивым отраднo там цвести,
И душный яд струить, что колдовски волнует.

И в час, когда лучи алеют на песке,
Скользят по врезанным в сухой полыни рельсам,
Люблю я там бродить в задумчивой тоске
С моим пергаментным преступным Парадельсом.

И тайный слушать звон полдневной тишины,
Душой холодною багровый зной впивая,
И тихо раскрывать головки белены,
И в склянку собирать сок листьев молочая.

Мне яды не нужны. Но, знаю, так бродил—
И не один—в веках мой отдаленный предок.
И вот, сквозь бледный дым магических кадил
Мое бессмертие бросает мне обьедок.

1915.

**Икона вделана в старинный пегий сруб;
Бьют в водоем струи из деревянных труб;
И камень, брошенный под темною айвою,
Улитка радужной измазала слюною.**

1919.

Давно в колчане крупный жемчуг
С печалью смешан наравне.
Давно резной на крыше венчик
Без матицы приснился мне.

Давно под черным покрывалом
Текут замедленные сны,—
И в поле трепетным шакалом
Провыт призывный вой войны.

И терем мой зловещ и гулок,
И крыс не слышно за стеной,
Но в клетки каждый закоулок
Наполнен злобою живой.

В божнице синие лампы
На ликах не отражены,
И подвижных теней громады
Ползут за мною вдоль стены.

Бежать!—но сторожат погони,
Дорога выбита копьём,
И пораскованные кони
Опоены крутым вином.

Последний вечер. Слышу: филин
Кричит и бьется у окна.
И там, среди облачных извилин
Багровая встает луна.

1916.

САМАРКАНД.

Над белизной одежд ореховые лица.
Светило белое в глазах повторено.
Осталось позади бывшего моря дно,
И бешено взята мятежная столица.

Здесь—громовой парад. А там—за птицей птица.
Там трупы вздутые навадены в одно.
И небо токами дрожащими полно,
И, чуя тление, взывает кобылица.

Позеленелую развеивая медь,
Сияет куполом упорная мечеть.
Распахнутая дверь дымится точно рана.

И вор оглядчивый в сияньи рдяной мглы
Берет из твердых рук убитого мудлы
Парчевый фолиант столетнего корана.

БАРХАНЫ.

Безводные золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожженную неизведанную страну,
Где вправят в уединении златолицые богдыханы
Вдыхая тяжелодымную златоопийную волну.

Где в набережных фарфоровых императорские каналы
Поблескивают, переплескивают коричневой чешуей,
Где в белых обсерваториях и библиотеках опахалы
Над рукописями ветхими—точно ветер береговой.

Но медленные и смутные не колышатся караваны,
В томительную полуденную не продвинуться глубину.
Лишь яркие золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожженную неизведанную страну.

КОРАБЛЬ.

Пахнет смолою и дубом под куполом темного дока.

Круто и кругло осел кузовом грузным корабль.

Быстрый топор отдирает обросшую мохом обшивку.

Твердые ребра цветут ржавчиной старых гвоздей.

—Эй, проберемся в пробоину!—Душно в незрячем трюме.

Днище набухло водой. Тупо стихают шаги.

Чую пугливой рукой прикрепленные к стенкам кольца,—

В реве тропических гроз здесь умирали рабы.

Где-нибудь: Тринидад, Вера-Круц, Пондшерри, Макао;

Низкий болотистый брег; тяжкий расплавленный зной.

Дальние горы дышат, клубясь вулканною зыбью,

И непоколебимый штиль высосал жизнь парусов.

В тесной каюте над картой седой сидит суперкарго.

Глух он; не слышен ему тяжкий и сдавленный стон,

Что точно пар проникает дубовые доски палуб:

В трюме сквозь желтый туман желтая движется смерть.

Крысы по палубе брызнули топотом быстрых лапок.

Прыгают в волны, плывут. На корабле—тишина.

Только на главной шлюпке, мучась упорной греблей,

Куча матросов влечет ветхим канатом корабль.

День и другой, и неделя. Штиль неподвижен, как скалы,
Порван буксир, и ладья мчится к родным берегам.
Только лицо рулевого становится бледно-шафранным,
Только и юнга дрожит, чуя последний озноб.
Там же, где брошен корабль, не слышно ни стука, ни стопа.
Боком на запад плывет, тайным теченьем влеком.
Точно стремится догнать отрезь шафранного шара,
Что уплывает за грань сеять шафранную смерть.
—Эй, вот ржавчина эта, что пачкает наши пальцы,
Это не тленье ли тех, чьей могилой был трюм?
Это не мертвое ль золото старых гор Эль-Дорадо,
Что растворившись в крови, красный развеяло прах?—
Быстрый топор стучит, отдирая гнилую обшивку.
В черную рану борта светит лазурная даль.
—Эй, посидим здесь еще! Ты любишь бродить по кладбищу;
Сладостны будут тебе недра бродячих могил.—

1917.

МОГИЛА.

Где воды пресные, прорвав скупой песок,
В зеленой впадине кипят холодным горном,
На сланце слюдяном, под очервленным терном
Иссохший кожаный полустлеял мешок.

И слитков золота нетронутый поток
Ползет из трещины, опутываясь дерном,
А в двух шагах скелет в стремлении упорном
Лоскутья рук простер на выжженный восток.

В миражном зеркале расплавленного ада
На дальнем западе сиерры Эль-Дорадо,
И здесь в оазисе—предельный бег пустынь.

И грезу знойную навек покрыли травы.
Лишь бульканье ключа цдывет в глухую синь.
Да воя волчьего случайные октавы.

РОБИНЗОНОВ СКЛЕП.

Песком серебряным и пылью слюдяной
Сухой сверкает грот, закатом осиянный.
Сквозь плещ нависнувший и занавес лианный
Вплывает медленный вечеровой прибой.

Бюро, изрытое топорною резьбой,
И человек за ним,—угрюмый и туманный,—
В камзоле шерстяном времен британской Анны
Сжимает библию мозолистой рукой.

Три века залегло от смерти Робинзона
До пламеней, что жгут вспоившее их лоно,
Что вьют багряный вихрь на стогнах у дворцов.

Но неистлевший прах священника скитаний
Все льет свой вкрадчивый неуловимый зов,—
Зов к берегам чудес, в страну очарований.

SALT-LAKE-CITY.

Безводно-белые сухие облака
Над белым городом, обрезанным квадратно,
В пустыню брошенным, в сияющие пятна
Закаменевшего навек солончака.

Подложной библии тяжелая рука
Над жизнью избранных простерлась необъятно,
Но гневно сорваны и кинуты обратно
Шипы упругие тернового венка.

Безводны облака над рыжею пустыней,
Напоен жаждою солончаковый иней,
И время грузное иссохло в вышине.

Но в храме мраморном склоняются в поклоны,
Звения кинжалами на вышитом ремне
Священники земли,—угрюмые Мормоны.

В последний раз могиле поклонились.
И батюшка свернул эпитрахиль,
Сказал любезность и конвертик принял,
И мы пошли через пустырь помынный.
Безводное лазуревое небо,
Пузырь луны и фольговое солнце
В осеннем ветре колыхались тихо,
И далеко, налево, журавли
Волнообразным клином трепетали...

Да, друг! Нам больше двадцати пяти.

В звездный вечер помчались,
В литые чернильные глыбы,
Дымным серебром
Опоясав борта
И дугу означая
Пенного бега.
Слева
Кошачья Венера сияла,
Справа
Вставал из волн
Орион, декабрем освеженный.
Кто, поглядев в небеса,
Или ветер послушав,
Иль брызги
Острой воды ощутив на ладони,—
Скажет:

Который
Век проплывает,
Какое
Несет нас в просторы судно:
Арго ль хищник,
Хирама ли мирный корабль,
Каравелла ль
Старца Колумба?..
Сладко
Слышать твой шопот, Вечность!

1920.

CARMEN AETERNUM.

Зеркальный шар лилового стекла
Меж яхонтовых гроздий винограда,
Из травертина грузная ограда,
И даль холмов—как синий взмах крыла.

Так нежно итальяйская прохлада
В извивы дымной тени протекла,—
И мысль, отточенная как стрела,
Размягчена в округлых волнах лада.

Где алый зной покоят мягко мхи,
Латинские усталые стихи
Поют как медленный ручейный лепет,—

И вижу в быстрой смене, как Эней
Под звонким вихрем легкий парус крепит
И пенит синь неведомых морей.

Сижу, окутан влажной простынею.
Лицо покрыто пеною снеговой.
И тоненьким стальным сверчком стрекочет
Вдоль щек моих источенная бритва.
А за дверьми шумит базар старинный,
Неспешный ветер шевелит солому,
Алеют фески точно перец красный,
И ослик с коробами спелой сливы
Поник, и тут же старичек-торговец
Ленивое веретено вращает.
Какая глушь! Какая старь! Который
Над нами век проносится? Ужели
В своем движении повторном время
Все теми же путями пробегает?
И вдруг цырульник подает мне тазик,
Свинцовый тазик с выемчатым краем,
Точь-в-точь такой, как Дон-Кихот когда то
Взял вместо шлема в площадной цырульне.
О нет! Себя не повторяет время.
Пусть все как встарь, но сердце вновь немо:
Носильщиком влачит сухое бремя,
Не обрета мечтательного шлема.

EX ORIENTE UMBRA.

Плащи из мутно-белого сукна,
Разрез направо, алый крест налево.
Их нежно вышивала королева,
И женская рука была верна.

Под медный плач латинского напева
Колышется органная волна;
И сердца рыцарского глубина
Вся рдеет от расплавленного гнева.

Окончено. Звонящий вопль трубы.
На весла тяжело налегли рабы,
И в море мерно выплыли галеры.

И с берега ловил их долго взгляд,
Прощальный взгляд на тех, кто солнце веры
Понес в провалы первых круазад.

ВАТИКАН.

Из мягкого белого шелка
На мне шелестит сутана.
Шапочкой белого бархата
Прикрыта моя седина.
Лиловые яхонты четок,
Хмуρο мерца и рдея,
Виноградной гроздью повисли
На белой тонкой руке.

Тетрадь из плотной бумаги
Цвета слоновой кости
Кордуанской узорною кожей
Драгоценно переплетена.
Сухой изящной латынью
Пишу короткие фразы—
Чеканенные медали
Из металлов прошедших веков.

В гулкой тиши Ватикана
Слышу смутные шумы:
В мире и в Городе—знаю—
Юные орды встают.
Подымаюсь на белую башню
И, старчески медля, с балкона
Новым *ugbi et ogbi*
Благословение шлю.

1917.

Вон парус виден. Ветер дует с юга.
И, значит, правда: к нам плывет
Высокогрудая турецкая фелюга
И золотой тяжелый хлеб везет.

И к пристани спешим друг друга обгоняя:
Так сладко вскрыть мешок тугой,
Отборное зерно перебирая
Изголодавшейся рукой.

И опьяненные сказанья возникают
В Тавриде нищей—о стране,
Где злаки тучные блистают,
Где гроздь ряный сок роняют,
Где апельсины отвисают,
Где оседает золото в руне.

Придет поэт. И снова Арго старый
Звон подвига в упругий стих волеет,
И правнук наш, одетый смутной чарой,
О нашем времени томительно вздохнет.

Не выходи: над серым городом простерто
Все пламенеющее тигровое небо,
И окна, и распахнутые настежь двери,
Провалами зияя черными, глотают
Насквозь прогретый воздух. А ввыси гудит
Бог весть откуда колокольный перекат;
Кружат грачи; над черепичным гробом кирпичи
Кремневый крест распластывает высоту;
Как мельничные паруса дрожит под ветром;
И женщины повысыпали из домов
И говорят, что видели и там, и там.
Старуху прокаженную с клюкой и фляжкой,—
Ядоносительницу; что колодцы все
Отравлены крысиным мором, что вчера
Какой то перс гулявшей девочке в лицо
Раствор стрихнина впрыснул... Нет, не выходи.
Пусть ночь сойдет, и осияет светом звездным
Смятение и ужас, и прохладный мрак
Спокойные навевает людям сновиденья.
Тогда иди, и проходя по звучным стогам,
И тихо глядя на созвездья голубые,
Что так же пламенели некогда над Нилом,—
Помысли мудро о вращении времен.

СМЕРТНОСЦЫ.

В подводной лодке в рубке капитана
На столике расчерченный картон.
Текучей майоликой отражен
Мутнозеленый облик океана.

Но хода выверенного уклон
Прямолинеен в тусклостях тумана,
Где массою надменного тарана
Нос панцырного судна напряжен.

Вот шелковистый быстрый свист торпеды
Змеинные томительные бреды
Вплетает в четкий перестук машин.

И в лепком воздухе—гранитны лица,
И в сдавленных глазах—осколки льдин.
Но радость вспыхивает как зарница.

ЖЕЛТЫЕ БРЕДЫ.

Я шел на восток от Урала
Вдоль пегих откосов дорог.
Октябрьская буря свистала
И бронзовый лист рассыпала
На глину и камни у ног.

Оплывы чудовищной Оби
Остались давно позади,
И скорби в безвыходной злобе
Давно, как летаргики в гробе,
Изгрызли друг друга в груди.

Шагаю, бездумен, спокоен,
Шагаю на Дальний Восток,
Шагаю, оборванный воин,
Туда, где на доньях промоин
Задавлен шимозами бог.

Кустарник, корявый и редкий,
Бесснежные горы вокруг.
По ним, задевая за ветки,
Кочуют морозные предки,
Туманом кочуют на юг.

И дым свой бросают пожарный
Бревенчатые города.
Но мимо... И—царские бармы—
Одни острога да казармы
Глаза угнетают всегда.

И хмурые длятся недели.
Иркут, Ангара, Уссури.
И серые тучи зардели,
Рубахой холстинной одели
Пронзенное сердце зари.

И вот оно—Желтое море,
Безглазая, с глиной, вода.
Так в этом взметенном просторе,
В огнях, в тяжкодымном уборе
Проржавлые гибли суда.

Железо изгорбленных палуб,
Чеканные плиты брони,
Под взвизги орудийных жалоб,
Под минные взревы дрожало,
Больные взметая огни.

За клочьями дымного пуха
Обломки свергались на дно,
И в небо обросшее брюхо
Направили, лязгая глухо,
«Ослябя» и «Бородино».

А ночью прожекторы взмыли,
Снопы голубые взнесли,
Как туча клокочущей пыли
Кольцом миноносцы обвили
Затравленные корабли.

И утром на глинистых волнах
Хрипели одни кузова,
И в лодках, бессмысленно полных,
Матросов, бездумных, безмолвных,
Хлестала морская трава.

И желтое солнце вставало
Сквозь желтую хмурую муть,
На хляби морского провала
Пожарищный блеск проливало,
Чертило безвыходный путь...

...Безмерные тянутся дали,
Безмерно катятся валы.
На глиняной мягкой скрижали
Минутно зачертят печали
И смоят, и снова из мглы

Катятся, бесстрастны и седы,
И все говорят об одном:
Восставили желтые бреды
Над миром победы и беды
И мутным вспоили огнем.

Стою я—бездумен, спокоен—
Стою я, гляжу на восток.
Стою я, оборванный воин.
Я—там, где на доньях промоин
Задавлен шимозами бог.

Полночь. Ветер. Лодка покачнулась,
Задержалась на валу прибоя;
Виноградною волной плеснуло
Прямо в парус, в полотно литое.

Узкий луч по волнам простирая,
Там на взморьи сторожит нас катер;
Ветер плещет в дуло митральезы;—
Луч мы видим, слышим пенье ветра.

Проскользнули! Прямо руль! По ветру!
Ах как звонок бег наш полнокрылый!
Ах как пахнет сеном и свободой
Берег тот, куда наш путь направлен!

В море кинут островок песчаный.
Здесь ночуем, здесь мы солнце встретим.
И, спугнувши уток, мы выходим,
На песок, уступчивый и теплый.

Спать... Не спим. Сидим и курим трубки,
И молчим, глядя на берег черный,
Где режут паровики, и в небе
Винной розой взвешен дым пожара.

1919.

---

22 ЯНВ. 1793 г.

Мороз остrel. Мучительно иззябли
Сведенные в карре гвардейцы; пар
От их дыханья на штыки и сабли
Сел инеем звездистым. Просочившись
Сквозь тучи, снегом всбухнувшие, встало
Слепое утро. В ледяном кольце
Штыков и сабель, синих губ и глаз
Слезящихся—два хобота дубовых
В графитное вносили небо нож,—
Косой пятипудовый сгусток блеска.
Французы ждали, стыли... Вдалеке,
Запряженное в черную карету
Подъемы преодолевало время,
Скользя и падая. Вдруг крик: Везут!
Хлестнул по воздуху. И увидали
Французы, как король, без парика,
В ночном камзоле всходит по ступеням.

Сыпнули крупным градом барабаны,
Метнулись палачи, и эшафот,
Как бы камильница, пурпурным жаром
Дохнул,—и в небо серый клуб взвился
От стывшей на морозе крови... Пушка
Немедля отозвалась топору.
Париж стонал, рычал. А королева,
Зовя дофина к похоронной мессе,
Уже его именovala: Сир.

1919.

---

27 ИЮЛЯ 1830 г.

Случайным выстрелом старуха сражена.
И рота гвардии глядела с перекрестка,
Как с телом поползла капустная повозка,
Зардели факелы и взмыли знамена.

За полночь перешло. Все двигалась она.
Толпа все ширилась, нелепо и громоздко,
И ярость плавилась, и сыпалась известка
И битое стекло от каждого окна.

А в бедной хижине, за Севрскою дорогой,
Священник молодой, томим глухой тревогой,
Решил вплоть до утра сидеть и ожидать.

И пред распятием клоня свои поклоны,
Не знал, что в этот миг его старуха-мать
Дрожаньем мертвых рук ниспровергала троны.

1917.

Как тускло он сияет—летний рынок:
Холстом и табаком, и лютой синькой;
Как душно пахнет хлебом и рогожей;
Как яростно скворчат на сковородках
Разрезанные розовые змеи.
Гляди: стоит халдей с огромной лупой,
С колеблемой картонною ладонью—
Гадальщик; там, на бронзовом подносе,
Колода карт, спринцовка, рыжий глобус.
Бредет старуха в кружевной наколке,
Пучек бумажек голубых сжимая,
И глядя вбок, поет через одышку:
«В полдневный жар, в долине Дагестана»...
И тут же как невнятная тоска,
Как память бессловесная о чем то,
Давно минувшем, дымном и далеком—
Над трепаной парчею, над шарманкой.
Что «яблочко» наяживает, сонно
Качается в кольце, закрывши веки
И роговой чуть высунув язык,
Великолепный голубой и алый
С покорными крылами какаду.

Замок упал. Тяжелый створ широко
Зевнул прохладой, чернотой и делью,
И с лампочкой в руках, как рудокопы,
Спустились мы в темнозеленый ледник.
Ушастые ушаты с огурцами,
Крутой боченок деревенской браги,
Круги колбас и жернова сыров
Повеяли довольством черноземным,
Мозолистой спокойной добротою.
Подняв эмалированные ведра,
Чьи дужки холодом врезались грузным
В горячие ладони, вышли мы.
Бледнел закат. Шло стадо по домам.
Захлебывались лаем псы цепные.
А мы глядели в голубые ведра,
Где белым янтарем на холоду
Густое устоялось молоко
И сливочной морщинкой побежало.

1921.

Квадратный стол прикрыт бумагой,
На ней—чернильное пятно.
И веет предвечерней влагой
В полуоткрытое окно.

Стакан топазового чая,
Дымок сигары золотой,
И журавлей витая стая
Над успокоенной рекой.

Бесстрастная стучит машинка,
Равняя стройные слова.
А в поле каждая былинка
Неувядаемо жива.

И вечер я приемлю в душу,
Безвыходно его люблю.
Так люб и океан—на сушу
Закинутому кораблю.

Поужинав холодной кашей—
Теперь война и хлеба нет—
Я выпиваю полной чашей
Твои волнения, поэт.

Но я люблю восторг восходов
И ветра углубленный гул,—
И мне не нужен ни Триродов,
Ни скуки чопорный разгул.

Мне чужды трепеты Маира.
Земля! Земля, а не звезда!
Блуждая в изобильях мира,
Я не скучаю никогда.

Да вот теперь: полет метели
Уютен—за моим окном.
И женщина в моей постели
Свернулась теплым коlobком.

1917.

Январским вечером, раскрывши том тяжелый,
С дикарской радостью их созерцать я мог,—
Лесной геральдики суровые символы:
Кабанью голову, рогатину и рог.

И сыпал снег в окно, взвивался, сух и мелок,
И мнились чадные охотничьи пиры:
Глухая стукотня ореховых тарелок,
И в жарком пламени скворчащие дары.

Коптится окорок медвежий, туша козья
Темно румянится, янтарный жир течет;
А у ворот скрипят все вновь и вновь полозья,
И победителей встречает старый мед.

Январским вечером меня тоска томила.
Леса литовские! Увижу ли я вас?
И—эхо слабое—в сених борзая выла,
Старинной жалобой встречая волчий час.

Прибой на гравии прибрежном
И парус, полный ветерком,
И трубка пенковая с нежным
Благоуханным табаком.

А сзади в переулках старых
Густеют сумерки. Столы
Расставлены на тротуарах.
Вечерний чай. Цветов узлы.

Черешен сладостные груды.
Наколки кружевные дам.
И мягкий перезвон посуды
Аккомпанирует словам.

И так доступно измененье
Девятисот на восемьсот,
Где жизнь застыла без движенья,
И время дале не идет.

И радостью волнует райской,
Что впереди—свершенья лет,
И что фонтан Бахчисарайский
Лишь будет в будущем воспет.

1917.

Худенькие пальцы нижут бисер,—
Голубой, серебряный, лимонный;
И на желтой замше возникают
Лилии, кораблик и турчанка.

Отвердел и веским стал мешочек,
Английская вдернута бичевка;
Загорелым табаком наполнить,—
И какой ласкающий подарок!

Но вручен он никому не будет:
Друга нет у старой институтки;
И в глазах, от напряженья красных,
Тихие слезинки набегают.

И кисет хоронится в шкатулку,
Где другие дремлют вышиванья,
Где отцовский орден и гравюра:
Кудри, плащ и тонкий росчерк: Байрон.

1919.

Плитный двор пылает в летнем полдне.
Жалюзи прищурились дремотно.
Низенькое устье коридора
Обнимает ясною прохладой.

Прохожу по чистым половицам,
Открываю медленные двери,—
И в задумчивый уют гостиной
Незаметно поникает сердце.

Раковины на стеклянной горке;
На воде аквария скорлупка,—
Судно; на стене в овальной раме
Ястребиный профиль Альфиери.

И хозяйка в кружевной наколке,
В бирюзовых кольцах и браслетах
Старчески-неспешно повествует
О далеком, о родном Палермо.

А в руках приметна табакерка,
Где эмаль легко отпечатлела
Гиацинт кудрей и рот двулукий,
И прикрытых глаз глубокий оникс.

Все в минувшем... Лишь глаза все те же.
Да—браслет и кольца голубеют,
Свежей бирюзой напоминая
Родины немеркнувшее небо.

1918.

Так хорошо уйти от голосов людей
От стукотни колес и въедливого лая
На отдаленный холм, где, полночи внимая,
Свой портик мраморный вознес к луне музей.

Спиною чувствуя прохладу старых плит,
Прилечь на лестнице и вглядываться в небо,
Где Веги пламена и нежный огонь Денеба
Светло проплавили индиговый зенит.

ДЕРЖАВИН.

Он очень стар. У впалого виска
Так хладно седина белеет,
И дряхлая усталая рука
Пером усталым не владеет.

Воспоминания... Но каждый час
Жизнь мечется, и шум тревожит.
Все говорит, что старый огонь погас,
Что век Екатерины прожит.

Вот и вчера. Сияют ордена,
Синеют и алеют ленты,
И в том дворце, где медлила Она,
Мелькают шумные студенты.

И юноша, волнуясь и летя,
Лицом сверкая обезьяньим,
Державина, беспечно как дитя,
Обидел щедрым подааньем.

Как грянули свободные слова
В равненьи и сцепленьи строгом
Хвалу тому, чья никла голова,
Кто перестал быть полубогом.

Как выкрикнул студенческий мундир
Над старцем, смертью осиянным,
Что в будущем вскипит, взметнется пир,
Куда не суждено быть званым...

Бессильный бард, вернувшийся домой,
Забыл об отдыхе, о саде,
Присел к столу и взял, было, рукой,—
Но так и не раскрыл тетради.

1918.

РУКОПИСИ ПУШКИНА.

Как нежны, как надрывно милы
И этот пыльный аромат,
И порыжелые чернилы,
И росчерков округлый ряд.

В сияньи Крымских побережий,
В Михайловской тиши,—один,—
Размашистые эти мрежи
Сплетал мой вечный властелин.

Как выскажу? И слов мне мало:
Здесь, где моя легла слеза,
Его рука перебегала
И медлили Его глаза.

И эти влажные напевы
Неистлеваемым зерном
Вздымают золотые севы
На поле выжженном моем.

НАДПИСЬ НА ТОМИКЕ ПУШКИНА.

Теперь навек он мой: вот этот старый, скромный
И как молитвенник переплетенный том.
С любовью тихую, с тревогой неумной
К нему задумчивым склоняюсь я челом.

И первые листы: сияет лоб высокий,
И кудри буйствуют,—а утомленный взор
И слабым почерком начертанные строки
Неуловляемый бросают мне укор.

Томлюсь раскаляем. Прости, что не умею
Весь мой тебе отдать пустой и шумный день
Прости, что робок я и перейти не смею
Туда, где носится твоя святая тень.

...Никитские ворота.
Я вышел к ним, медлительный прохожий.
Ломило обмороженные ноги,
И до обеда было далеко.
И вижу вдруг: в февральскую лазурь
Возносится осеребренный купол,
И тонкая как нитка балюстрада
Овалом узким ограждает крест.
И понял я: мне уходить нельзя
И некуда уйти от этой церкви;
Я разгадаю здесь то, что томило,
Невыразимо нежило меня.
Здесь я забвенный разгадаю сон,

Что мальчиком я многократно видел:
Простые линии в лазури, церковь,
И радость, и предчувствие беды.
И я стоял. И солнце отклонилось.
Газетчик на углу ларек свой запер,—
А тайна непрестанно наплывала
И отлетала снова... А потом
Все это рассказал я другу. Он же
В ответ: А знаешь, в этой самой церкви
Венчался Пушкин.—Тут лишь понял я,
Что значила тех линий простота,
И свет, и крест, и тихое томлень,
И радость, и предчувствие беды.

1919.

НАТАЛИ.

Наталья Пушкина! Наташа Гончарова!
Ты звонкой девочкой вбежала в дом чужой,
Где грянула в паркет Петровская подкова,
И Командор ступал гранитною стопой.

Где обаянием неизъяснимой власти
Тебя опутала стихов тугая нить,
Где хлынул на тебя самум арабской страсти
И приневоливал его огонь делить.

Как часто полночью в уюте русской спальной
Ладонь прохладная касалась глаз твоих,
И ты, впросонках вся, внимала песне дальней
О бедном рыцаре в просторах стран чужих.

Головка бедная! Мадонна снеговая!
Шесть лет плененная в святилище камен.
Кто укорит тебя, что молодость живая
Твоя не вынесла любви державной плен?

Пускай разорвана священная завеса,
И ринулись в певца из потрясенной мглы
Мазурки шпорный звон, и тонкий ус Дантеса,
И Кухенрейтера граненные стволы.

Пусть пуля жадная и дымный снег кровавый
У роковых весов склонили острие,
Пускай лишились мы России лучшей славы,—
Морошки блюдечко—прощение твое!

Наташа милая! Ты радость и страданье.
Ты тери трагический меж пьяных роз венца,
И создано тобой чудесное преданье
О гордой гибели негордого певца.

1921.

МОГИЛА БАРАТЫНСКОГО.

Я посетил величественный город,
Подземную безмолвную столицу,
Где каждый дом украшен мавзолеем,
А мавзолеем отягощен крестом.

Я проходил по мягкой меди листьев,
Влеклись глаза вдоль твердых барельефов,
И тлея мысль теплом и ломкой болью,
Священные встречая имена.

Но проходил, не замедля шага.
Меня манил неогражденный камень,
Где иссечен великолепный профиль
Дорически-прекрасного певца.

О, чистота всесовершенных линий,
Напрягшихся в певучем равновесьи,
О, ясная и умная прохлада
В Финляндии зачатых Пропилей!

О счастья скорбь, томление о Музе,
И мысли боль, и отягченный якорь,—
Что подняли марсельские матросы,—
Все в ясности отпечатлелось тут.

1917.

КРЕПОСТЬ-ФАНАГОРИЯ.

Из мягких рвов туманом возникая,
Поднялся вечер млечно-голубой.
Прибой примолк, и в ясной тишине
Отчетлив выклик запоздалой чайки.

Округлым выступом старинный вал
Надвинулся на впалую долину,
Некошенной отросшею травюю
Играя с мимолетным ветерком.

Я расстилаю парусинный плащ,—
И так отрадно повалиться навзничь,
Руками распростертыми касаясь
Слегка увлажненной травы.

Суворовская спит Фанагория...
Ключ к отдаленным, к вольным океанам...
Последние оржавевшие пушки
Валяются у церкви в городке.

И только я сейчас припоминаю
Стремленья, что давно перегорели,—
И предо мною тихо возникает
    Певец заброшенной Тамани.

И облака, что убежали к югу
На миг слагаются в печальный профиль,
И млеет нежным отдаленным звоном
    Коротенькое имя: Бала...

1918.

ЕРМОЛОВ.

Он откомандовал. В алмазные ножны
Победоносная упряталася шпага.
Довольно! Тридцать лет тяжелый плуг войны
Как вол упорная влекла его отвага.

Пора и отдохнуть. Дорогу молодым.
Немало думано, и свершено немало.
Чечня и Дагестан еще дрожат пред ним,
«Ермоловъ» выбито на крутизнах Дарьяла.

И те же восемь букв летучею хвалою
В Кавказском Пленнике сам Пушкин осеняет.
Чего еще? Теперь Ермолов пьет покой,
В уединении Ермолов отдыхает.

И злость безвластия лишь раз его ожгла,
И птицы старости ему лишь раз пропели,
Когда июльским днем с Кавказа весть пришла
О том, что Лермонтов застрелен на дуэли.

Он хрустнул пальцами и над столом поник,
Дыбились волоса, и клочотали брови,
А ночью три строки легло в его дневник:
«Меня там не было; я бы удвоил крови.

«Убийцу сей же час я бы послал в поход,
«В передовой огонь, в дозоры и патрули,
«Я по хронометру расчислил бы вперед,
«Как долго жить ему до справедливой пули».

1920.

ДОМК.

Я помню: яркий в летней дреме
На солнцем залитом песке
Уютный выбеленный домик
В уютном южном городке.
Я помню: пол, натертый воском,
Смоленый мат по светлым доскам,
Медовый запах табака,
В окне герани два горшка,
На стенах выцветшие флаги,
Фрегата стройная модель,
За ширмой строгая постель,
На письменном столе бумаги—
Последний угол моряка
В тиши сонливой городка.

Моряк, старик под девяносто,
Но бодрый, молодой, живой,
Всегда приветливо и просто,
Встречаясь, говорил со мной.
Я был влюблен в оттенки моря,
Мечтал о пальмах, о маори,
И в голубые вечера,
Когда зеркальная игра
В зеленой полутьме купальни
Блуждает по изгибам стен,—
Земли тяжелой цепкий плен
Меня томил, а сумрак дальний,
Окутывающий пролив,
Струил волнующий призыв.

Однажды—в заревой истоме
Вдали клубились облака—
Отправился я в белый домик,
В приветный домик старика.
Тот мне обрадовался очень
И, хлопотлив и озабочен,
Соорудил нам чай «с ромком»,
И так прекрасно мы вдвоем,
Жуя варенье из инжира,
Не зажигаючи свечей,
Проплыли волны всех морей
От Гельсингфорса до Алжира
И только ночью в два часа
Свои убрали паруса.

И много вечеров в беседах
Провел я с милым моряком.
Он говорил мне о победах
И о «воздействии линьком»,
О женщинах в портах Китая,
О том, как Веспер, выплывая,
Роняет в воду алый щит,
Как море фосфором горит,
Как ночь в полуденных широтах
Струит зодиакальный свет,

О том, что флота больше нет,
О альбатросовых полетах,
И что «поверьте, я уж стар:
Лучше манильских—нет сигар».

Прошли года. Моряк мой умер.
Я—закопался в груды книг.
Но где-то в самом дальнем трюме
Родной мечты остался лик.
И нанял домик я знакомый,
Уединился в нем, влекомый
Томленьем сладостным. Светло
В моих трех комнатках, тепло,
И пахнет славной старой трубкой,
И так легко-легко—смолой,
И я приют спокойный мой
Себе рисую верхней рубкой
На адмиральском корабле
В пути к неведомой земле.

И вот пишу я эти строки,
Ведя их пушкинской строфой.
Они просты и неглубоки,
Но я пресыщен глубиной.
Хочу о том, что повседневно,
Сказать волнующе-напевно,
О тихой молвить красоте,
Что поразвеейна везде,
О том, что полюбил я землю,
Уютный домик, вечера,
Мечту о прошлом, что игра—
Окончена, и я не внемлю
Фанфарам запредельных сфер
И воплям сказочных химер.

ШУМЫ РАКОВИН.

(Глава неоконченной поэмы).

На желтой глине четкий знак:
Из белых камней возведенный,
Полувоздушной колонной
Стоит обветренный маяк.
Внизу в кирпичной амбразуре
Мортиры медное жерло
Лет семьдесят как в мох вросло,
Перевидав дожди и бури,
И наверху в ответ лазури
Сияет синее стекло.
Там в кукольно-уютной клетке
Хрустальных призм водоворот

Дрожащей радугой пливает
Пред колпачком калильной сетки
И ночью в плотные узлы
Неудержимо пламя плавит
И яростные стрелы правит
На неоглядные валы.
И над обрывом домик малый,
И штурман старый на крыльце,
И свежей трубки отблеск алый
На бронзовом его лице.
Давно не водит полных грузов
Он через мелистый проход,
Давно рулем тяжелый кузов
Не направляет в зелень вод.
Но, обшумев его в просторе,
Смолой и солью пропитав,
Благоухающее море
Не утеряло властных прав:
Как палуба полы сияют
В его спокойном уголке,
И люк прорезан в потолке,
И медью компасы пылают
В отполированном станке.
И обветшалые гравюры,
Затерты, выцвели и буры
О днях Кагула и Чесмы
Со стен так радостно расскажут
И флаг андреевский покажут
На мачте над равниной тьмы.
А в час полуденных сияний,
Уйдя в прохладный кабинет,
Он пробегает милый след
Увянувших очарований.
Дымит проворней и сильней
Над плотной пальмовой шкатулкой
И пальцы радует прогулкой
Меж раковин и янтарей.
И тайный ящичек со скринном
Приоткрывает и потом
Вдыхает, наклонясь челом

Над матовым дагерротипом.
Там он и обезьянка-дочь,
И маленькая квартеронка,
И с глаз досадливая пленка
Не хочет удалиться прочь.

Ушли, осыпались года,
И внучка, дочери на смену,
Взбиралась по его колену
И обрывалась иногда.

Теперь на башенном балконе,
Сияя медною косой,
Она глядит, как в яром гоне
На берег прядает прибой.
Тяжелый том Дюмон-Дюрвийля
Листами на ветру шуршит,
Неинтересен и забыт,
И чаек розовые крылья
Для темных глаз ее—магнит.
И пахнет солью и полынью
Порывный ветер, и она,
Овеянная тонкой синью,
В закат безмолвно влюблена.
Но вот, по гравию дороги
Легко шуршит велосипед,
И ей кричит с крылечка дед,
Насмешливый, притворно-строгий:
— Слезай, мальчишка, прикати! —
Но оторваться нету сил
От отмелей в кипящей пене,
И обветшалые ступени
Дрожат под легкою ногой,
И мягкий голос горловой
Уже порхает на балконе:
— Приветствие прекрасной Тонс. —
И руку давит ей слегка
Сухая твердая рука.
И веет изумрудно-яркий
И потаенный омут глаз

На губ ее румянец жаркий,
И медлит вкрадчивый рассказ:
— Как осенью гирлянды птиц
Летят к маящему их югу,
Так мысли мчались во вьюгу
В минуты сомкнутых ресниц.
Во дни акациевых весен
Мечтал я о безмолвьи сосен,
О золоте, что между скал
Таит нахмуренный Урал,
О том, как на глухих озерах,
На душегубке из коры
Я буду плавать и костры
Раскладывать в лесных просторах,—
И уж давно тупой кинжал
Под тюфяком моим лежал.
Но после понял я: милее
Могилами покрытый юг.
Здесь пенье вечности сильнее,
Здесь плодоносней умный плуг.
В полыни мягкие курганы,
Истомных полдней очаги,
И в небе алые круги,
И тает аромат медвяный.
И в глине одичалой спят
Сарматы, скифы, гунны, венды,—
И неоглядные легенды
Неувядаемо томят.
Душа, впитавшая могилы
Несчетных предков,—влюблена
В чужих могил привет унылый
И упивается до дна.
Родное все... Холмов уклоны,
Совиные ночные стоны,
Неугомонный треск цикад,
Сиянье тихой Альсионы
На семисвечнике Пляд.
Развалин изветшалых кости,
Свистящие рожденья лун,
Когда при яростном норд-осте

Дрожит размашистый реун.
Вдали лиловые в тумане
Пустые берега Тамани,
Князь-Игорь, Слова жуткий взмыв
И жемчуг траурный в колчуге,
И в ветках кличет вещей див...—
— Чай подай.—

Деловский призыв

Прервал вдруг лет очарованный.
Смеются. Сходят в темноте.
И в дерзкой тянется мечте
Его рука к плечам округлым:
— Не оступитесь...—

В тесноте

За малый стол садятся. Смуглым
Сияя ликом, добрый дед
Им лаконический привет
Бросает.

Ваза до краев

Полна рубиновым вареньем.
Горячий хлеб. И с упоеньем,
Немедленно, не тратя слов,
Все отдаются наслажденьям,
И ужины превращают в рай
Три капли рома в крепкий чай.
Стакан четвертый побеждая,
Моряк неспешно говорит:
— Ну, юноша, что вас манит?
Не декадентщина-ль пустая?
Вот в наше время...—

И пошло

Порхать спокойное крыло
По далям и воспоминаньям.
Даль отдана былым скитаньям,
Природе, людям, думам, снам,
Когда-то славным именам,
Предугаданьям и ошибкам,
Предубеждениям и улыбкам,
И вечно гордым знаменам.
— Вы говорите мне о вечном,

Что вы душою антиквар,
Но верьте мне—ведь я уж стар—
В неуловимо-быстротечном
Остаться легким и беспечным
И сохранить хоть малый жар
Восколько радостней, чем смутно
Блуждать по дальним временам,
Бросая душу бесприютно
По истощенным бороздам.
Вы пишете стихи, я знаю,
Прочтите что-нибудь, взгляну.—
— Извольте. Вот: припоминаю...—

И Тоня с томною улыбкой
Внимает речи этой зыбкой:
Пред нею дед—она сама,
Пред ней томительная тьма,
Пред нею радостным загаром
Орозовелая душа,
Пред нею нешловым пожаром
Душа другая хороша.
И Тоня взор свой тайно клонит,
В его глазах отрадно тонет:
— Какие дива там на дне
В их изумрудной глубине.—
Пора прощанья. Белый пламень
С велосипеда льется вдаль,
Лаская на дороге камень
И травы кутая в вуаль.
Далекий лай. Пустое поле.
Подъем и скат. И бриз в лицо.
И вокруг неумолимой боли
Неодолимое кольцо.
В резиновом шуршаньи бега
Так убаюкана тоска,
И бледноголубая Вега
Так досягаемо близка.
Замедлен ход на повороте.
И остановка. И в траву.
И внемлет рокоту в болоте,

И долго смотрит в синеву.
Там звезды теплые внезапно
Срываются и вниз летят,
И веет белый шарф туманно
У пояса сапфирных лат.
И странно—в ионийском хоре,
Где звездные плывут огни,
Увидеть рыцаря в уборе
Отполированной брони.
Под геральдической пластиной
Ввыси простертого герба
Полынь сухая над равниной
Так чародейственна груба.
И заговора смутный шопот
Плывет в ночную глубину,
И легкой пляски легкий топот
Прорезывает тишину.
И в хороводе белых теней
Сияет медная коса,
И, одиноких наслаждений
Ища, смежает он глаза.
Потом взбирается устало
На влажный свой велосипед
И тихо едет. И рассвет
Над морем зацветает ало.
В хрустальном пепле городок
Еще недвижим. Вот замок
У двери щелкает, и сонно
Он входит в комнату свою.
Из умывальника струю
В лицо пускает. Благовонно
Кропят ладонь его духи.
За стол садится. Лист бумаги.
И злые, тонкие как шпаги,
Вычерчиваются стихи.

ПОРУЧИК МЕРТВЕЦОВ.

Четыре бьет. Чиновный люд (теперь
Одетый столь пестро и неказисто,
Что формуляры стонут от желанья
Стать гневными скрижалями прорух)
Спешит домой. Но, как и встарь, писцы
Бегут великолепной мелкой рысью,
Столоначальники трясут шажком
С приличною припрыжкой, генерал же —
Почти стоит: столь тяжелы чины.
Но вот прошли. И опустела площадь,
И солнце вновь булыжники считает,
И по стенам горячий ветер хлещет,
У блудной курицы вздувая хвост.
Пять пробило. Расхлябанная дверь
Адмиралтейства иссустила визги,
И невысокий вышел офицер.
Расправил он кирпичное плечо,
Кирпичным ликом кувырнулся в небо
И сладко дух известки потянул:
Покинута сургучная Валгалла.
Он пал в бою; давно: пятнадцать лет;

Как древний викинг, пал в сраженьи—с миром.
Он был поэт; как некие канцоны
Он вызубрил Регламент и Устав,
И Муза Государственных Службы
Его на броненосец привела,
Его морской болезни обрела,
На каждой вахте усыпляла нежно,—
И адмирал Онагренок однажды
Себе в больную печень пробурчал:
«Нет, плох наш Мертвецов; нет, керосину
Не выдумать ему; и у него
«К тому же и фамилия такая:
«Кладбищенская...» И велел отчислить.
Исполнено. Его из мичманов
В поручики переименовали,
Зачислили в адмиралтейство,—и:
Пятнадцать лет, как десять дней мелькнули.
Так пал в бою поручик Мертвецов,
Так он попал в сургучную Валгаллу;
На службе там он целый день дремал,
Как некогда на вахте, а ночами
Его глушил бессновиденный сон.
Да, лишь один за все пятнадцать лет
Ему в насмешку подлый сон приснился:
Сидит он нагишом в степи и видит:
Вдали идут покойники, в порядке
И по равжиру, тоже нагишом;
И каждый тащит курицу под мышкой,
Ощипанную, гуснюю на вид.
Подходят чередой к нему, слагают
У ног его всю эту пададь, тихо,
Таинственно и ласково шепча:
«Учителю, учителю...» И в страхе
Проснулся униженным поручик.
Курятины с тех пор не ел он вовсе;
Боялся спать один, а спать вдвоем
Боялся тоже: вдруг она задушит;
Боялся видеть зубы: не смеются ль;
Что брюки сзади лопнули—боялся,
И потому приосенял свой зад

Эгидою—обтерханным портфелем...
Вот вышел он, как много тысяч раз
И раньше выходил. Взглянул пугливо
В конец проулка, где синело море,
Стремительно раскачивая лодки,—
И отвернулся, чувствуя, как жар
От ног тошнотно подымался к горлу.
Пошел домой. Сглотал холодный суп
И погрузился в «Тайны Венденосцев».
Потом—стоял: среди комнаты стоял.
Потом пошел гулять,—но тут обида
Нежданная ошпарила его:
Три вывески на перекрестке рдели;
«Я. Малкин» пламенело на одной;
Другая—«И. Я. Малкин» возглашала;
«А. Я. Бакши», смеясь, орала третья;—
И этой нарочитой срамотою
До мозолей был уязвлен поручик:
«А Я Бакши»... А ты, мол, Мертвецов,
Покойничек, кладбищенское имя...
И каблуком по штукатурке брякнув,
Поручик пулей ринулся домой,
Сжав зубы и портфель нещадно скомкав,
И поминая предков и потомков.
И поздней ночью он сидел, склонясь
Над новою тетрадью, и старался
Начать «Воспоминанья моряка»,—
Но начертал: «И вообще мне скушно».
Но там не очень скучно было;—там:
На Свалках, на Нахаловке, на Глинке,
В каменоломнях—в эту ночь сошлись
Забродчики, фронтовики, гамзеи—
В пятнадцатикопеечных брылях,
В клеенчатых фуражках, в бескозырках;
Там стрекотал фальцет пропагандиста,
Там голос рыбака норд-остом рывкал;
Винтовки лязгали, и ржавым звоном
Отряхивался пулемет;—там голод
Не лодочками простира ладони,
А свертывал их в кулаки, венчая

Шипом кастета... С севера текли
Сермяжные фаланги, и матрос,
С двумя серьгами, пьяный и кудрявый,
Захлебываясь «Яблочком», сияя
«Авророю» на двухаршинной ленте,
Уже купал свой пыльный броневик
В водах Салгира. И ему навстречу
Взбухал и зрел Везувий потаенный...
Уже два дня весь городок давился
Икотой слухов; кокаин в цене
Поднялся очень; протонерей
Постыдно окарнал власы седые
И рясу снял; а многоумный Пуло,
Магнат и столп, уж погрузил багаж
И плакал в Думе, что: «каменоломни—
Гнездо для мирных жителей»... Патрули
Слонялись офицерские... На утро
Гудело все. Гудел толпою порт;
Гудки ревели на заводе; выла
Сирена канонерки на проливе;
И с треском отлетали в вышину
Лазуревые радио...

Поручик

С утра засел в своем адмиралтействе,
Пеньку пытался нюхать и заклепки
Рассматривать,—но суета вокруг
То зайчиками по стенам вилась,
То голосами гудкими и бегом
По лестницам и комнатам плясала,
То адмиралом в кабинет влетала,
То сыпалась из портсигара на пол
Тугими папиросками. Поручик
Почуял вдруг, что—некогда ему,
Что суматоха тарахтит по нем,
Как... мерзлая земля... по крышке... гроба...
И полон торопливой скуки, вдруг
Помчался к адмиралу Мертвецов:
В чем дело? Что случилось? почему
Пятнадцать лет, пятнадцать тысяч лет
Стоит адмиралтейство нерушимо,

А нынче кто-то, где-то, почему-то,
Откуда-то... Стук, суета, тревога...
Но адмирала не было. У входа
Сидели вестовые, развались,
И ни один не встал. Застыл поручик:
Так вот оно что!.. «Встать! Ослепли?» Встади...
«Я научу вас!» И помчался быстрее
Но звуковые волны побыстрее
Поручичьего бега. И услышал
Себе вослед он: «Много вас найдется
Учителей». Все понял Мертвецов.
Вдруг бич стальной хлестнул по городку.
Как сотни однотонных ксилофонов
Зазвякали граниты, и асфальты
Затукали. И вдруг—раз и другой,
И третий, небо лопнуло с насадой,—
И время отвердело. Мертвецов
В свой кабинет влетел; впервые в жизни
Швырнул портфель, образчики пеньки
В чернильницу припрятал и, потев,
Извлек наган из тесной кобуры.
Сбежались офицеры к адмиралу;
— Что делать?—Ждали. Вдруг пропел гнусаво,
Как будто эи произнося французский,
Безносый телефон и в хряц ушной
Короткий выплюнул приказ: Прибыть
В штаб коменданта.—Вышли. Город лыс.
Сияют камни, ставни и решетки,
Испуганным сияет потом лик
Последнего пробеглого. И в небе
Все тот же барабанщик заводной
Частит, неведомо где, беглой дробью.
А в штабе—дым. Там—жгут бумаги; там
Машинки размножают повеленье
Не выходить на улицу,—и крабом
Деятиногим бегают вдоль клавиш
Подсиженные руки машинисток;
Там—пьют; там жабы красные томатов
В содружестве с селедкой исчезают
В горячих ртах; там проволокой ржавой

И радужной дреколье обвивают;
Там—бомбы раздают; там поднимают
На крышу гочкисы. И телефоны
Без остановки энкают.

Поручик

Под черепаний щит броневика
Залез—и ринудся по переулкам.
Два дня метался в поисках врага,
Заставами весь город рассекая.
Но враг бесплотен, враг неуловим,
Всегда он там. и иногда не здесь;
Он раздражается, без толку, вдруг,
Назойливейшей трескотней, он может
Осесть воззваниями на заборах,
Он может ощутиться под ребром
Хорошеньким осколком; если только
Не ограждать пустынных улиц стражей,
Не сыпать в ночь завесой огневою,
Не выезжать все в новые кварталы
Броневиками,—расплодится он
И станет вездесущим. Скука, скука!..
Враг отходил. Цеплялся за кладбище,
За загородный сад, за мол, за бойни,
В каменоломни всасываясь. Реже
Кряхтели пушки. Смело засвистали
Средь заводских окраин шомпола.
А Мертвецов икал от злобы: где же,
Где же они? И третьим утром, рано,
Вдруг налетел своим броневиком
На залп. Ответ. Ответ. Замолкли. Ладно!
И разбивая двери и шкафы,
Через четыре теплых перепрыгнув,
Он выволок из-под железной крыши
Остывший пулемет и связку лент
Расстреленных, и шуплого жиденка.
—«Фамилья?»—«Малкин».—«Малкин? Хорошо!»—
И вывели, и петлю закрутили.
— Не надо мыла: за ноги повесим.—
И шесть часов дрожало дерево,
И кровь сбегала из ноздрей по векам,

По лбу, на землю.

В сумерки опять
Подъехал Мертвецов.— Готов?— Еще бы.—
Ну, ладно.— И увидели солдаты,
Как вдруг поручик побежал во двор,
И курицу взволнованную вынес,
И в небо смехом разевая рот,
Внимая иступленному клохтанью,
Ей оцципал грудь, спину и крыла
И тоже за ноги повесил— только
На шею у насмешника.— Субботний
Ему обед.— И возвратился в штаб,
Свою избывши скуку и надменно
Расстегнутыми брюками зевая,
Как офицер— насмешек не страшась.

1919—1921.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения, перечисленные здесь, в части своей были напечатаны в моих брошюрах «Раковина» (1918 г.), «Еврейские поэмы» (1919 и 1920 гг.), «Израец» (1921 г.) и в целом ряде повременных изданий и альманахов. Стихотворения, печатающиеся впервые, означены звездочкой.

Г. Ш.

	Стр.
Ты помнишь день	5
Музе	6
В граненной проруби	8
Надпись на статуе	9
Порту	10
Поэтам	11
Огонь и глина	13
Санскрит	14
Словарь	15
Микрокосм	16
Сенат	17
Грядущий	18
Поединок роковой	22
Освобождение	24
Окном охвачены	26
Трагические эхо Эльсинора	28
Да, грозный сон	29
Встало утро	30
Лес темной дремой лег	32
Закрыв глаза	34
Пологий берег	35
Всю ночь в окно	36
Закаты в августе	37
Босфор Киммерийский	38
Порт св. Иоанна	39
Скифия	40
Палингенезия	41
Я знаю тихий дол	42
Икона вделана	44
Давно в колчане	45
Самарканд	47
Барханы	48
Корабль	49
Могила	51

	Стр.
Робинзонов склеп	52
Salt-Lake-Sity	53
В последний раз могиле	54
В звездный вечер	55
Carmen aeternum	57
Сижу, окутан	58
Ex Oriente umbra	59
Ватикан	60
Вон парус виден	62
Не выходи	63
Смертоносцы	64
Желтые бреды	65
Полночь. Ветер	68
22 янв.	70
27 июля	72
Как тускло он сияет	73
Замок упал	74
Квадратный стол	75
Поужинав холодной кашей	76
Январским вечером	77
Прибой на гравии	78
Худенькие пальцы	80
Плитный двор пылает	81
Так хорошо уйти	83
Державин	84
Рукописи Пушкина	86
Надпись на томике Пушкина	87
...Никитские ворота	88
Натали	90
Могила Баратынского	92
Крепость-Фанагория	94
Ермолов	96
Домик	98
Шумы раковин	101
Поручик Мертвецов	108

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СТИХИ:

- Гонг. 1-й том стихов. Два издания.
Раковина (1918 г.).
Еврейские поэмы. Два издания.
Изразец.
Нечаев. Драматич. поэма.
1871 год. Драматич. поэма.
Драматические поэмы. 1-й том. (Печатается).

МОНОГРАФИИ:

- Два «Памятника».
Трактат о русском стихе. Ч. 1-я. Органическая метрика. Сокращ. изд.
Трактат о русском стихе. Ч. 1-я. Органическая метрика. Полное изд.

ПЕРЕВОДЫ:

- ЭрEDIA. Избранные сонеты.
Верхарн. Полное собрание поэм. Книжки 1—16.